

Муниципальное учреждение культуры
«Гороховецкий районный муниципальный библиотечный
информационный центр»

«Да будет Время с нами вечно!»

**Сборник краеведческих работ по итогам
II Булыгинских литературно-краеведческих чтений**

Выпуск 1

Гороховец
2006г.

«Да будет Время с нами вечно!» Сборник краеведческих работ по итогам II Булыгинских литературно-краеведческих чтений. Вып. I.- Гороховец, 2006.- 39с.

В основу данного сборника легли краеведческие материалы II Булыгинских литературно-краеведческих чтений «Да будет Время с нами вечно!», прошедших в г.Гороховец в феврале 2005г. Издание предназначено для всех интересующихся историей древней Владимирской земли, в частности, г.Гороховца и Гороховецкого района.

На обложке: Павел Петрович Булыгин (1896 – 1936).

Издание осуществлено на средства МУК «Гороховецкий районный муниципальный библиотечный информационный центр».

*Редактор: Бусько Л.В.
Компьютерная верстка: Попкова А.С.*

Андреев Н.И.
Русский инженер и гороховчане
150-летию со дня рождения академика
Владимира Григорьевича Шухова посвящается.



1924г. В.Г.Шухов (крайний справа)
в проектной конторе

Передо мной несколько фотографий, на которых запечатлены люди, причастные к событиям в России в первой трети прошлого столетия. На любительском снимке несколько человек в костюмах, характерных для 20-ых годов прошлого века, возле чертежного стола внимательно смотрят в объектив

фотоаппарата и лишь стоящий с краю пожилой человек с седой

небольшой бородкой, одетый в просторную блузу, положив руку на чертеж, не отрываясь, смотрит на него. Я знаю, что это академик Владимир Григорьевич Шухов.

Снимок я получил от его автора Александра Дмитриевича Андреева - внука известного физиолога академика Павлова. В 50-х годах я работал с Александром Дмитриевичем в техническом отделе Гороховецкого Авторемзавода. На этой фотографии сам он стоит позади всей группы. На обороте фотографии его рукой сделана надпись: «Июль 1924 г. Технический отдел Госконторы Машинотреста (бывшего завода Бари)». Позднее мне удалось узнать фамилии тех, кто стоит рядом с Шуховым. Это Д.П.Шиловцев, А.П.Галанкин, Поляков и Федоров.

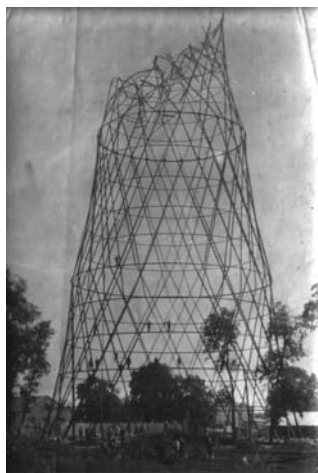
На двух следующих фотографиях – Шаболовская башня с изуродованной третьей секцией и фигурками людей, стоящих на кольцах первой и второй секций и на самом верху, а также группа людей рядом с двумя тесовыми некрашеными гробами. Похороны. На траурных лентах надписи: «От рабочих по сооружению Радио-железной башни». Фото сделаны в день похорон, возможно, 1 июля 1921 года. Хоронят верхолазов Ивана Николаевича Власова из деревни Сельцо Кожинской волости Гороховецкого уезда и австрийца, которого все звали Яшей, а точнее Якобом Францевичем, погибших при аварии на строительстве башни.

В дневнике автор проекта башни инженер Шухов об этом событии записал: «29 июня 1921 года. При подъеме четвертой секции третья сломалась. Четвертая упала и повредила вторую и первую в семь часов вечера».

На следующей фотографии группа котельщиков на фоне металлоконструкции строящегося здания. Среди них стоят во втором ряду: в кожаной куртке – прораб из деревни Гончары Кожинской волости Алексей Иванович Валов и мастер Порфирий Филиппович Зиновьев, в полушубке и барашковой шапке, из деревни Беркуново той же волости. Остальные, как и все на фото с Шабаловской башней, выходцы из Гороховецкого уезда.

Фото 1926 года. Строящийся объект - Бахметьевский автобусный гараж (троллейбусный парк №3 на улице Образцова в Москве), который спроектировали архитектор К.С.Мельников и В.Г.Шухов.

Фотографии с аварией на Шаболовке я получил от Михаила Ивановича Комарова, потомственного котельщика из деревни Повалихино, а фотографию Бахметьевского гаража от прораба этого объекта Алексея Ивановича Валова, потомственного котельщика из деревни Гончары Кожинской волости Гороховецкого уезда.



Июль 1921г. Шабаловская башня после аварии

Всё на этих фотографиях, да и сам феномен отходничества из северной части Гороховецкого уезда, связано с именем великого русского инженера В.Г.Шухова. Отход в котельщики, распространившийся с середины позапрошлого столетия в нижнеклязьменских деревнях, на протяжении всей жизни этого человека шел вслед за его гением, претворяя в жизнь его проекты и замыслы. Многих гороховчан (И.А.Шорина, П.Ф.Зиновьева, А.В.Валова) он знал лично и высоко ценил их талант и природную смекалку. Вероятно, первые контакты Шухова с гороховчанами произошли в конце 70-ых годов

девятнадцатого столетия, когда молодой инженер по предложению предпринимателя Александра Вениаминовича Бари начал в 1878 году работать на Кавказе по заказам, связанным со строительством емкостей для хранения и трубопроводов для транспортирования нефти. Фирмы братьев Нобель, Г.М.Лианозова, С.М.Шибаева, В.Рагозина и др. в это время обслуживались несколькими

небольшими заводами по изготовлению резервуаров и обсадных труб. Среди них было несколько, принадлежащих гороховчанам, в частности крестьянам деревни Груздево – Семенычеву, Матвееву и Ишанину. На них и на заводах Левенсона, Монташева и Нобеля работали преимущественно гороховчане. К этому времени относится знакомство Шухова с будущим владельцем Гороховецкого судостроительного завода крестьянином деревни Выезд Красносельской волости – Иваном Александровичем Шориным, который, как и Шухов, начал работать у Бари на Кавказе.

Уверовав в свои способности и оценив возможности, Бари в 1880 году основал в Москве проектно-строительную контору, где с октября этого же года в ней стал работать Шухов. Жена Бари в письме своей сестре в начале 1881 года написала: «Шухов с октября месяца живет в Москве и служит у Саши как главный помощник по инженерной части». Это был союз магната и гения. Союз, который позволил Бари на эксплуатации гения Шухова нажать громадное состояние. Профессор Петр Кондратьевич Худяков, товарищ Шухова со студенческих лет, считал, что Бари «просто выпало счастье опереться в своей работе на сотрудничество такого бескорыстного научно-технического работника, который всегда отдавал ему задаром все свои многочисленные изобретения...»

В 1894 году в Москве в Симоновой слободе Бари основал котельный завод, кадровый состав которого почти на 80% был укомплектован гороховчанами. Назову только троих, фамилии потомков которых сейчас на слуху у гороховчан. Это Арсений Макарович Прозоров из д.Галицы, отец учительницы Екатерины Арсеньевны Сапоровской; это Тимофей Дмитриевич Герасимов из д.Шишкино, дед учительницы Электры Александровны Герасимовой; это Павел Зрелов из д.Гаврильцево, дед



Июль 1921г. Похороны погибших при аварии Шабаловской башни

Владимирского писателя Леонида Зрелова. Гороховчане по проектам Шухова строили нефтепроводы, мосты, котлы, резервуары, водонапорные башни, опоры маяков, перекрытия магазинов и музеев, акведуки и прочие изделия из металла.

Примечательно, что фирма Бари даже по нынешним временам была

чрезвычайно прогрессивной в техническом отношении и привлекательной в социальном плане. Все

служащие ее, от управляющего и до вахтера, участвовали в прибылях предприятия. Современники писали, что «в... русской практике это пример почти единственный, во всяком случае, очень и очень редкий». Рабочие были заинтересованы в том процессе, в котором они участвовали. На заводах фирмы отсутствовала общепринятая в России практика штрафов, для рабочих были открыты бесплатные столовые и сберегательное отделение банка, куда вносились поступления от Александра Бари на имя каждого рабочего. Ответом рабочих на эти совершенно неведомые для России условия труда было высочайшее качество всех выполняемых ими работ. После демонстрации экспонатов фирмы на XVI Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 году компании Бари была присуждена высшая награда – право изображать на своих документах, бланках и рекламных проспектах Государственный Герб России (Двуглавого орла). Приезжавшие тогда из Москвы на побывку в Гороховецкий уезд котельщики говорили, что они «заслужили орла на бумагу».

Длительное время работавший у Бари И.А.Шорин, основавший в 1902 году в Гороховце судостроительный завод, в какой-то степени применил на нем те принципы организации производства, с которыми он познакомился на прежней работе, - все служащие и рабочие судостроительного завода на Клязьме, многие из которых ранее работали у Бари, так же участвовали у Шорина в прибылях предприятия. Бари высоко ценил профессионалов и умел прощать обиды. В 1911 году, за два года до смерти, престарелый американец прислал в Гороховец великолепный серебряный сервиз, подарок на свадьбу управляющего заводом Михаила Ивановича Шорина и Анастасии Семеновны Семенычевой, деда которой Бари знал еще по работе в Баку. Размолвка магната и талантливого котельщика Шорина, ушедшего от него для того, чтобы основать свое дело, была забыта.



1926г. Строительство Бахметьевского автобусного гаража.
Котельщики на фоне металлоконструкций

Вместе с Шуховым гороховчане работали и тогда, когда не стало процветающей фирмы, а в стране была полная разруха.

30 июля 1919 года В.И. Ленин подписал постановление о срочном строительстве в Москве мощной радиостанции «для обеспечения надежной и постоянной связи центра Республики с западными государствами и окраинами...». Проект башни для установки антенны этой радиостанции было поручено выполнить В.Г. Шухову. Как и следовало ожидать, для конструкции башни он применил проверенную им ранее на опорах водонапорных башен, маяков и корабельных мачт гиперboloидную конструкцию, метод построения которой из прямых и круглых элементов он запатентовал еще в 1896 году. По проекту получилось сооружение в виде шестисекционной гиперboloидной башни высотой 150 метров с нижним основанием 42 метра в диаметре и весом 240 тонн. Башню на Шаболовке предполагалось построить за 8 месяцев, в период с 29 августа 1919 года по 29 марта 1920 года. Коррективы в сроки вносит разруха в стране, и дневник Шухова в 1919 году пестрит пометами:

«30 августа. Железа нет, и проекта башни пока... составить нельзя».

«26 сентября. Послал проекты башен...»

« 1 октября. Железа нет».

В довершение всего не было уже и фирмы Бари, и для строительства башни Шухов создает артель, которой руководит Алексей Петрович Галанкин. И снова, как и прежде, костяком артели становятся гороховчане. Мастером работал Алексей Федотов из деревни Павликово, из той же деревни верхолазом был Михаил Волков, а из деревни Починки - верхолаз Александр Каманин и гибщик Туманов, из Осинок - верхолаз Иван Млышев, из Быкасово - Павел Козлов, из деревни Сельцо - Иван Власов и многие другие.

О тяжелейших условиях при организации строительства башни и производстве работ позднее писал и прораб Галанкин. В «Воспоминаниях о В.Г.Шухове» он рассказывает, как строилась эта башня.

«Например, постройка Шаболовской башни системы В.Г.Шухова, смонтированной в самое тяжелое время для страны без лесов, без единой доски, без кранов и поднимаемой целыми секциями высотой по 25 метров и весом до 3000 пудов, потребовала от меня громадного напряжения. Я ездил зимой через всю Москву на велосипеде и спал по три часа. Одна эта постройка отняла у меня полжизни, но зато и дала мне тоже полжизни удовлетворения».

При работе в таких условиях несчастного случая трудно было избежать. И он случился. Погибли люди. Шухова допрашивают в ВЧК. 30 июля 1921 года он записывает в своем дневнике: «Приговор Шухову – условный расстрел». 19 марта 1922 года башня радиостанции Коминтерна была принята в эксплуатацию, а в 1937 году приспособлена для трансляции передач коротковолнового катодного телевидения. И сейчас миллионы людей видят ее на экранах как символ Российского телевидения.

Контакты гороховчан с великим инженером продолжались до начала 30-х годов. Последними проектами, в которых участвовал Шухов и его простые соратники с низовьев Клязьмы, были: строительство Бахметьевского гаража, монтаж опор линий электропередач от Шатурской ТЭЦ и строительство нефтепровода Грозный – Туапсе. Трубы для нефтепровода были изготовлены на Гороховецком судостроительном заводе – бывшем заводе Шорина. Рабочих для выполнения монтажных работ так же набрали в Гороховецком уезде (Л.Одинцов, А.Седнев из д.Шубино и др.). В эти годы, несмотря на кажущееся уважение к таланту и заслугам ученого, ему, как в прочем и большинству интеллигентов в стране, были созданы невыносимые для пожилого человека условия для трудовой деятельности и быта.

11 сентября 1918 года Шухов записал в дневнике: «... получил приказ выехать из дома к 20 сентября нового стиля. Переехал в контору 19 сентября». По словам сына Шухова Сергея Владимировича, ученый «... был противник одновластия и не мирился с ним в сталинскую эпоху, которую предвидел задолго до ее начала». На заводе «Парострой» знали, в каких условиях живет их бывший технический руководитель. По просьбе рабочих мостового цеха начальник цеха Матвей Степанович Макаров послал Алексея Ивановича Валова навестить старика. При встрече с Алексеем Ивановичем Шухов заплакал. Все, что могли тогда сделать для него те, с кем он долго и счастливо сотрудничал, это привезти ему дров. В райкоме на их просьбу ответили, что и он сам и его сын, который работал в то время в НКПС, - вредители. Так заканчивал свои дни на брэнной земле русский гений инженерной мысли

Список использованных материалов:

1. Валов А.И. Воспоминания. Архив автора.
2. Галанкин А.П. Автобиография. Воспоминания о В.Г.Шухове. Рукопись. Архив автора.
3. Шорин С.И. Воспоминания. Архив автора.
4. Шухова Е.М. Первый инженер Российской империи// Нефтяное хозяйство. – 1993.- №12.
5. Шухова Е.М. Союз магната и гения// Деловые люди. – 1994.- №48.
6. Шухова Е.М. Симфония инженерной мысли// Архитектура и строительство Москвы. – 1995.- №1.
7. Шухова Е.М. Труды и дни инженера В.Г.Шухова// Наше наследие. – 2004.- №10.



Герасимова О.В.

Исследование природы Гороховецкого района

В г. Гороховец Владимирской области автор этого сообщения, морской гидробиолог, переехал по семейным обстоятельствам в конце 1999г., имея проект создания в этом городе Музея природы. Планировалось, что функции проектируемого музея будут шире, чем у традиционного краеведческого. Музей должен привлекать не только туристов, интересующихся местной флорой и фауной, но и жителей города, в первую очередь детей, предоставляя им возможность увидеть экзотических животных и приобщиться к романтике дальних странствий.

Как участник многих морских экспедиций, автор имел коллекцию обитателей моря, с которой и предполагалось начать музей. В процессе работы планировалось создать группу содействия Музею природы, куда бы вошли, прежде всего, школьники и учителя биологии, и совместными усилиями собрать краеведческий материал.

Когда мы приступили к сбору материала для краеведческого раздела музея, то столкнулись с серьезной проблемой: практически все флористические и фаунистические исследования, проведенные когда-либо во Владимирской области, почему-то аккуратно обходили наш район стороной. Пришлось организовать исследовательскую работу собственными силами. Сначала она велась бессистемно, так как неисследованного было море. Теперь мы уже накопили значительный объем информации по природе нашего района и способны предложить вновь пребывающим к нам людям конкретные темы работ по тем группам растений и животных, по которым у нас пока еще мало данных.

За истекший период наиболее полную информацию нам удалось собрать по насекомым - как в целом, так и по отдельным группам (бабочки, муравьи). Хорошие фаунистические работы выполнены по таким редко привлекающим внимание животным, как пауки и планктонные ракообразные. Завершается работа над составлением списка птиц, встречающихся в Гороховецком районе, отрабатывается методика их количественного учета. Отдельное исследование посвящено русской выхухоли (*Desmana moschata L.*) - охраняемому животному, эндемику нашей страны, единственному млекопитающему, в видовом названии которого есть слово «русская».

В музее собирается традиционный гербарий, который мы назвали «Точка отсчета» - он должен характеризовать видовое разнообразие сосудистых растений нашего района на рубеже XX и XXI веков. Имеются коллекции мхов и лишайников, а также список паразитических грибов, встречающихся в Гороховецком районе. В течение нескольких лет ведутся исследования биологии таких редких растений, как водяной орех (*Trapa natans*

L.), тюльпан Биберштейна (*Tulpa Biebersteiniana Schult.*), Венерин башмачок (*Cypripedium calceolus L.*).

Огромную роль в этих исследованиях в настоящее время играют студенты-биологи, наши бывшие воспитанники. После прохождения в университетах курсов зоологии, ботаники, геологии они появляются у нас, переполненные знаниями, а музей дает им возможность закрепить эти знания на практике, собрав коллекции и оформив новые экспозиции.

Как и во всех учреждениях биологического профиля, весенне-летний сезон в нашем музее - время экспедиций. Летом 2001 г. мы обследовали озера-памятники природы Гороховецкого района, в 2002 г. участвовали в программе «Флора Владимирской области» а в 2003-2004 гг. совместно с московскими специалистами работали над проектом «Хранители поймы р. Клязьмы».

С 2004 г. вышли в свет первые публикации исследовательских работ наших ребят - тезисы докладов в сборниках материалов V межрегиональной конференции школьников по ООПТ (Йошкар-Ола), материалов регионального водного конкурса «Школьная сеть рек» (Нижний Новгород) и материалов конференции по разведению насекомых (Москва). Теперь наша ближайшая цель - подготовка к публикации сборника работ «Природа Гороховецкого края», который сконцентрирует всю накопленную нами к настоящему времени информацию.



Зудина М.Н.

Легенды и предания земли Ковровской как исторический источник.

По тематике и по значимости в качестве исторического источника все известные нам легенды края можно условно объединить в три группы.

Первая – это легенды, раскрывающие исторические события древности. На протяжении столетий они служили народу исторической информацией. Это наиболее древние предания, вернее – осколки преданий, так как от них до нас дошли уже лишь скудные обрывки, что связано с несовершенством человеческой памяти.

Вторую группу составляют религиозные предания, в основе которых лежит вера в чудодейственную силу местных святынь. Хранителями стародавних преданий в этой группе оказались священники.

Третья группа объединяет топонимические или историко-топонимические предания, связанные с историей происхождения географических названий края. Топонимические предания составляют самую обширную группу легенд в крае и в большинстве своем являются более поздними памятниками народного фольклора, хотя интерес к наименованиям, к их осмыслению появился на самых ранних этапах цивилизации. В конце 50-ых – 60-ых гг. в нашей стране произошел своеобразный «взрыв» топонимических исследований, сопровождавшийся усилением интереса к географическим названиям. Возможно, именно тогда были заново возрождены многие почти забытые легенды и пущены в ход новые. Так или иначе, предания этой группы продолжают жить в народной памяти сегодня, передаются из уст в уста и перейдут в двадцать первое столетие.

Подчеркнем еще раз условность предлагаемой классификации. Отметим также, что границы Ковровского уезда не соответствовали современным границам Ковровского района. Поэтому в сфере нашего внимания оказались как территория бывшего уезда, так и района.

Рассмотрим первую группу преданий – исторические предания.

Они представляют собой чаще скудные отрывочные сведения, дошедшие до нас благодаря тому, что были записаны исследователями 19 века.

В середине 19 века от местных жителей села Клязьменский городок можно было услышать предание, окутанное таинственным туманом, о существовании здесь в давние времена княжеского терема и семи церквей: «Терем князя был столь высок, что сверху его виднелись башни Суздаля, и когда терем этот разрушился, то своей вершиной на другом берегу Клязьмы

прошиб землю, отчего образовалось озеро»¹. Эти устные рассказы, а также топографические названия ближайших местностей (Городище, Теремище, «Монастырь», ...) – вот все, что сохранила народная память о некогда существовавшем здесь средневековом городе Стародубе.

Среди этих устных свидетельств наиболее ценными нам представляются сведения о количестве церквей древнего Стародуба. В подтверждение их, кроме действовавшего храма на горе «Монастырь», в 19 веке еще можно было видеть остатки фундамента древней церкви св.Георгия². В этой связи интерес представляет и сообщение В.Н.Татищева о строительстве в 1198 году в Стародубе церкви во имя св.Иоанна: «апреля 8 родился князю великому Всеволоду меньший сын и нарекли его Иоанн,... И повелел Всеволод в Стародубе на Клязьме построить церковь святого Иоанна»³.

Среди жителей Коврова в 19 веке тоже существовало предание о княжеском тереме: будто из остатков этого обветшавшего терема служивыми людьми Спасо-Евфимиевского монастыря устроена была приказная изба для въезда монахов и учинения суда и расправы над ковровитянами⁴.

Факт существования терема находит подтверждение лишь на сомнительной фотографии, изображающей «Вид дворца князей Стародубских-Ковровых в селе Рождественно». По сведениям ковровского старожила Александрова А.А., в коллекции которого находится фото, снимок является пересъемкой очень старой фотографии, на которой, судя по существовавшей на ней надписи, была изображена копия рисунка, снятая со старинной иконы ковровского Христорожественного собора. Если предположить, что на одной из старинных икон Христорожественного собора действительно существовал рисунок княжеского дворца, то маловероятно, чтобы о нем не знал священник собора А.Г.Радугин, прослуживший в храме 54 года (с 1851 по 1905 гг.). Известный ревнитель старины, занимавшийся историческими изысканиями в области местной истории, А.Г.Радугин оставил нам обширную краеведческую статью «О городе Коврове» с записанными в ней старинными преданиями. По просьбе городских властей к 100-летию юбилею города им была написана глубокая по содержанию историческая справка о Коврове⁵. Ни в одной из работ священник не упомянул о рисунке на старинной иконе. В силу изложенных выше соображений можно предположить, что рисунок на иконе если и существовал, то появился позднее под влиянием ходившего в народе предания.

Почти 200 лет село Коврово было вотчиной Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря. Этот факт нашел отражение и в другом предании,

¹ Шаганов Н.И. Стародуб или нынешний Клязьменский городок. – ВГВ. 1844. №33.

² Там же.

³ Татищев В.Н. Российская история. М.-Л., 1964, т.3, с.165.

⁴ Радугин А.Г. О городе Коврове. – ВГВ7 – 1886. - №№ 42, 43.

⁵ ГАВО. Ф.205. Оп.1. Д.946. ЛЛ. 130-133.

повествующем о том, что каменная церковь в селе была построена во времена Годунова на средства жителей при пособии от монастыря⁶. Вот только время постройки церкви в предании явно смещено, так как документально доказано, что каменный Христорождественский храм был воздвигнут позднее, в период между 1630 и 1700 гг⁷.

Почти забытая легенда, о которой сейчас пойдет речь, была заново возрождена в 1973 году, когда нашла себе подтверждение. Ее герой, Иван-кузнец, сумел один не пропустить вражью силу на Клязьменский городок. Случилось то во времена монголо-татарского нашествия. Придумал кузнец и выковал металлический предмет, круглый по форме, с четырьмя тонкими шипами. Изобретение кузнеца тогда называли «Ивановым чесноком». Хитрость его состояла в том, что как ни брось «Иванов чеснок» на землю, все равно одним шипом будет торчать к небу. Рассыпав свои шипы по чистому полю, Иван-кузнец сорвал набег вражеской конницы: кони не прошли, а место это нападавшие посчитали заколдованным. Именно на такой «Иванов чеснок», пролежавший в земле не одно столетие, и напоролась в 1973 году машина тракториста совхоза «Восход» Савинского района И.П.Куткина, обрабатывавшая луга в пойме реки Клязьмы⁸. Найденный шип поставлен на государственный учет и хранится в экспозиции районного музея.

Теперь перейдем к тем, некогда распространенным легендам, которые были связаны с верой в чудодейственную силу местных святынь.

Глубоко почитали в Коврове местную святыню – икону Смоленской Божьей Матери, находившуюся в городском Христорождественском соборе. В 1701 году икона уже значилась в церковной описи⁹. По преданию, записанному священником А.Г. Радугиным, икона была найдена чудесно сохранившеюся и ни мало невредимою на пепелище деревянной, дотла сгоревшей церкви села Новоселок, Нестеровки тож, бывшего в семи верстах от Коврова и во второй половине 19 века уже не существовавшего.

Предание не лишено документальной основы. Безусловно, достоверно существование села Нестерово, упоминание о котором встречается в документах 15-16 веков¹⁰. Верно и то, что сельская деревянная церковь во имя св. Георгия Победоносца сгорела дотла, по некоторым данным это произошло в середине 17 века¹¹. Документально установлено, что в 18 столетии село именовалось уже селцом Новоселки¹². Основа Ново- свидетельствует в

⁶ Радугин А.Г. Указ. соч.

⁷ Фролов Н.В. Новые факты о старом соборе. – Знамя труда. 1995 г. №134

⁸ Лапин Ю.М. «Тайное «оружие» славян» - «Советский патриот». 1973 г., №9

⁹ Фролов Н.В., Фролова Э.В. История старого собора. Ковров, 1998., с.9

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² ГАВО. Ф.417. Оп.4. Д.2296. Л.1.

данном случае об образовании нового поселения, выделившегося из старого или образовавшегося на месте старого сгоревшего селения. В 1787 году население Новоселок насчитывало 50 душ мужского пола¹³.

Можно усомниться в чудодейственной силе иконы, но спасенная из сгоревшей церкви с.Нестерово икона действительно могла быть передана в Ковровскую церковь.

Еще одно предание, связанное с другой святыней – иконой Знамения Пресвятой Богородицы, записал М.Никольский, посетивший г.Ковров в 1862 году. М.Никольский услышал отрывочные сведения, суть которых заключалась в следующем: «В давнее время стояла на Прудке (местность в версте от станции Ковров) каменная часовня, не известно кем построенная; в часовне явилась икона Знамения Пресвятой Богородицы. Вследствие чудесных исцелений, о которых распространился слух по окрестности, икона взята была в давние времена в соборную городскую церковь, а подле часовни выкопали колодец, в котором по перенесении иконы, осталась целебная сила»¹⁴. Услышал М.Никольский и много рассказов о чудесных исцелениях под действием воды, взятой из святого источника, и о крестных ходах, совершавшихся в давние времена из города на Прудку в годы эпидемий. Сведения эти важны, так как рассказывают о том, что происходило в период распространения предания.

Зародившаяся легенда о явлении чудотворной иконы проявила немалую живучесть и привела к возникновению близ колодца, которому приписывали целебную силу, в 1889 году Знаменской женской общины, просуществовавшей до 1920 года.

В настоящее время местонахождение святого колодца утеряно. Лишь в подвальном помещении центральной районной больницы, построенной в 1934 году на территории общины, постоянно стоит вода, которую периодически откачивают.

Зачастую хранителями стародавних преданий оказывались священники. Старинное предание об убиенном Федоре Благоверном было записано в 1722 году со слов священника села Алексино отца Леонтия в ходе следствия о мощах благоверного князя Федора. От Коврова до Гороховца князь Федор Благоверный считался святым, ко гробу его, как ко гробу канонизированного святого стекались со всех сторон люди, получая исцеление. Предание, рассказанное священнику бабкой, хранилось в архиве Суздальской Духовной Консистерии и впервые было опубликовано в Трудах Третьего областного историко-археологического съезда в 1906 году¹⁵.

¹³ Там же.

¹⁴ Никольский М. Письма из Коврова. – Московские ведомости. -1862. №№180, 183, 187.

¹⁵ Труды Третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г.Владимире 20-26 июня 1906г. Владимир, 1909. С.1-10

Исторически достоверным в предании является главное событие, которое легло в его основу, а именно гибель князя Федора в Орде. Краткое упоминание об убийстве Федора Ивановича в Орде в 1330 году сохранила Никоновская летопись, к сожалению, без указания на его обстоятельства и причины¹⁶. Трагическая гибель князя от рук иноверцев, бесспорно, оставила глубокий след в народном сознании. Стремление выделить его из среды простых смертных и придать ему образ «великомученика» привели к созданию причудливой легенды о кончине и погребении благоверного князя. Народная память сохранила прозвище князя Федора – Благоверный. Предание показывает, что сознательно или бессознательно личное прозвище князя Федора связывали в народе с его мученической кончиной: «безбожный царь Азбик того князя Федора мучил многими муками, тело его все по частям изрубил...». Слова эти находят себе лишь косвенное подтверждение в том, что хан Узбек действительно применял к русским князьям этот мучительный род казни: именно так были убиты им в 1339 году тверской князь Александр Михайлович с сыном.

Следующая часть предания, вне всякого сомнения, удовлетворяет средневековую потребность в мистических откровениях: «...тело князя Федора лежало между трупами, и на тело его птица не садилась... И видя то, оставшееся войско собрало тело князя Федора и не сыскали было одного перста и хотели без того перста люди его везти в Москву, но лошади то тело не повезли и с места не сдвинули, а они стали искать того перста и как сыскали и в гроб обще с телом положили – лошади двинулись...» и т.д.

И хотя всякие почитания памяти князя были запрещены Духовной Консисторией еще в 18 веке, имя Федора Благоверного продолжало пользоваться среди населения глубоким почитанием до 50-ых годов прошлого столетия.

Топонимические или историко-топонимические предания, как было сказано выше, составляют самую обширную группу легенд края. Мы не ставим цели рассмотреть все собранные нами широко известные, неизвестные и малоизвестные предания этой группы. Им мы посвятили специальное выступление на VI Рождественских краеведческих чтениях в Коврове. Остановимся лишь на некоторых моментах.

Среди жителей д.Шевинская (деревня Судогодского уезда, но Ковровского района) существует предание о том, что прежде, укрытая за лесами и болотами, деревня была разбойничьей заимкой, названной по прозвищу атамана Шеино. Легенда эта, лишенная какой бы то ни было документальной основы, находит себе лишь косвенное подтверждение в

¹⁶ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси с татарский период с 1238 по 1505г. СПб, 1891. С.2 С.180

реальном существовании населенного пункта с названием Шеино¹⁷ (Юрьевский уезд) и фамилии Шеин¹⁸ (крестьянин Вязниковского уезда). Что дает право утверждать только то, что топоним Шеино по всей видимости образован от фамилии Шеин. А вот именовалась ли д.Шевинская прежде Шеино – трудно сказать. Если принять во внимание встречающиеся в документах расхождения между различными вариантами одних и тех же названий (например, д.Шилово – д.Шиловское), то можно допустить аналогию: д.Шевино – д.Шевинская. Тогда исходной формой топонима действительно могло быть Шеино.

На протяжении значительного времени в местном фольклоре был очень популярен образ разбойника. Свидетельство тому сохранившиеся предания о разбойничьих атаманах Шеине (Судогодский уезд), Ширине (Ковровский уезд), Степане (Муромский уезд). В создании легенд о разбойниках жителей Ковровского уезда превзошли вязниковские крестьяне, путившиеся на самые фантастические выдумки. По всему заречью Вязниковского уезда можно было слышать имя разбойника Егора по прозвищу Багор. Причудливые легенды о Егоре записал владимирский краевед Т.Г.Заватко, путешествовавший по деревням и селам губернии в начале 20 столетия¹⁹. Почвой для появления подобного рода легенд были люди разбитного образа жизни, которые занимались грабежом проезжих купцов и их обозов с товарами, наводя страх на местных жителей.

Предания, даже если в них нельзя рассмотреть и крупницы правды, не бывают беспочвенными, не возникают на пустом месте. Так, в крае можно встретить несколько легенд, истолковывающих значение того или иного топонима как простое словосочетание. По такому принципу, например, объясняют в народе значение названия села Милиново (прежде Судогодского уезда, ныне Ковровского района). По легенде в давние времена построили в селе новую мельницу, освятили ее и произнесли: «Мели, новая!» От этой фразы будто бы и произошло название. Село Милиново, по всей видимости, получило свое имя по речке Милиновка, а последняя по мелководью. Тем не менее, в легенде нельзя видеть только продукт народной фантазии. Она может представлять собой отголосок реальной старины. Того далекого времени, когда что ни речка – то мельница. В Судогодской округе, например, в 1781 году, кроме казенных водяных мельниц, существовало 13 частных ветряных²⁰.

Кроме того, мы должны помнить, что историческая действительность в преданиях находит отражение не в точности фактов, а в передаче народного подхода к изображаемому. А в легенде о мельнице оценка такого события, как строительство мельницы, прочитывается явно.

¹⁷ ГАВО. Ф.556. Оп.1 Д.470, 570, 583

¹⁸ Там же Д.1009

¹⁹ Аносова М. О разбойниках и кладах.- Маяк, 1994,- №4, 53, 92, 96

²⁰ ГАВО. Ф.81. Оп.1. Д.60

Предания на протяжении длительного времени служили и продолжают служить народу исторической информацией. Они для нас ценны как источник для исследования истории, народной идеологии и представлений о прошлом. При этом следует подчеркнуть, что ценность представляют даже те из них, которые не имеют, казалось бы, никакого фактического основания: ведь предания часто отражают народнопоэтический взгляд на события, оставившие глубокий след в сознании той или иной общественной среды.



Семякова Н.Н. Сухой пьяница

На старинном кладбище в маленьком городке много могил конца 19 – начала 20-го века, клонятся над ними рябины под тяжестью спелых ягод, в тишине потрескивают старые клены. Здесь, недалеко от нарядной краснокирпичной церкви, – могила известной в прошлом купчихи, назовем ее Серафима Ивановна. Рядом, в просторной ограде, похоронены муж, родня. А чуть поодаль другая ограда и могила несостоявшегося жениха Серафимы – Константина Семенова. Потомки их, почти все, разлетелись кто куда – в Москву, в Нижний, уехали после революции, в беспокойные времена, чтобы затеряться в больших городах, где людям из «бывших» легче было получить образование и устроиться в жизни. Кажется, потомки Серафимы и Константина даже породнились, уже после их смерти и теперь чьи-то добрые руки ухаживают за могилами в родовых оградах, той и другой.

Костя Семенов жил на самом берегу реки в белокаменном купеческом доме, что построили его предки еще в 17 веке. Парадным фасадом этот дом выходил не в город, а на реку, словно отвернулся от всяческой мирской суеты. Украшали его высокая крыша с резными дымниками, две могучие колонны у входа, широкая каменная лестница. Над этой лестницей, на втором этаже, была светелка окнами на реку. В этой светелке мечтательный Костя любил сидеть и смотреть на воду, на заречные дали, особенно весной, когда разлив преодолевал высокий берег и подступал почти к самому крыльцу. Дом не затопляло ни разу, но, стоя у окна на втором этаже, можно было вообразить себя плывущим на корабле по великому морю. Река заливала заречный лес до самого горизонта, и волны плескались у стены дома, точно у борта корабля, розовато-голубые утром, сиреневые на закате. Костя открывал окно, ветер трепал его черные волосы, заставляя жмуриться, и представлял он, что плывет на чудесный остров Афон, полный православных монастырей, чтобы остаться там навсегда, жить в русской обители целителя Пантелеймона или в бедной келье-каливе на высокой скале над морем и молиться Богу за весь мир, за Россию, за родных и близких.

Оклики родных возвращали Костю к действительности и спускали на грешную землю. В детстве его понуждали учиться, а теперь вот ездить за товаром, сидеть в лавке. У строгой матери, рано овдовевшей купчихи Прасковьи Семеновы, он был единственный сын, а значит, и вся надежда. Богатый дом Прасковьи Васильевны был полон людей: с ней жили незамужние сестры, племянницы. Все помогали в хозяйстве, в большом огороде, хотя главное дело – торговлю купчиха вела сама властной рукой. Была она набожной, с ранних лет приучила Костю к церкви, к паломничествам,

духовному чтению, но никак не ожидала, что искра Божья разгорится в сыне так сильно и возмечтает он о монашестве. Она не считала это блажью, щедро делала вклады во все четыре городских монастыря, но расстаться с любимым чадом не могла. Кроме того, жаль было хорошо поставленной торговли, хотя сердцем Прасковья Васильевна давно поняла, что продолжателем дела предков Костя не будет, тихий, задумчивый, не от мира сего. Жениться сын не хотел, и мать не настаивала до поры, потому что такому еще и жену-то подходящую не найдешь. Где ее взять, девицу и благочестивую, и срушную, чтобы и хозяйство вела и торговлю, раз уж сын на то не способен.

- Да только ведь муж глава в доме, а не жена, - сокрушалась Прасковья Васильевна, - нужно такую найти, чтобы не подавляла Костю своей волей, разве из бедных взять...

Однажды вечером, когда они шли домой после всенощной в соседнем Благовещенском соборе, мать повела с сыном решительный разговор:

- Пора тебе, Костя, невесту подыскивать. О монашестве мы с тобой сколько раз говорили, я благословение не дам. А коли в миру оставаться, не век же тебе с матерью и тетками жить.

Костя заволновался, зарделся, что-то стал искать в кармане и вдруг быстро ответил:

- Хорошо, мама, я подумаю.

- Вот-те раз! - мысленно ахнула Прасковья Васильевна. - А я разговора боялась! Видать заприметил он кого, дело-то молодое. Только кто же это? Закрутилась я с делами, надо за ним повнимательней посмотреть.

В догадках она терялась недолго. Уже на следующий день, воскресный, когда входили в собор, Прасковья Васильевна заметила, как вся засветилась при виде Кости дочь небогатого лавочника Серафима Синцова. И Костя улыбнулся ей, поздоровался тихо, но ласково, по-особенному.

- Вот и хорошо, - решила купчиха, - девица на выданье, милотвидная, статная, и дядя-богач без приданого не оставит.

Серафима была племянницей купца Григория Синцова, которому уже с десяток лет назад стало тесно в уездном городе, на жительство он уехал в Казань, а дела вел и в Нижнем, и в Астрахани, и по всей Волге. Однако брата своего Ивана, оставшегося на родине, не забывал, о племянниках заботился.

Серафима слыла девушкой доброй, но с характером, что не по ней – сразу ответит, не раздумывая.

- Плохо, что срывистая, - подумала Прасковья Васильевна, - хотя, может, Косте такую и надо? Она видела, как сын приотстал от нее и беседует о чем-то с Серафимой, счастливый и немного растерянный.

- Ладно, сердцу не прикажешь, - решила купчиха и пошла в собор, на свое привычное место.

В маленьком городе не бывает секретов, и уже через неделю в гости к Ивану Синцову нагрянул его именитый брат. Он вошел, высокий, дородный и в просторной передней стало тесно. Пирог, чаепитие, разговоры, а потом Григорий Семенович попросил: «Ваня, позови-ка Симочку, нам поговорить надо!»

- Давай поговори, - ответил Иван, - на тебя вся надежда, нельзя за него замуж, за блаженного...

Сима вошла, не зная, о чем пойдет разговор, и опешила от дядиново вопроса: «Ты тут, говорят, жениха себе присмотрела?»

- Что вы, дядя Гриша, кто это вам сказал?

- Да уж сказали! Ты не ершишься и не хорохоришься, а послушай меня, садись.

Говорил он неторопливо, мягко, заглядывал племяннице в глаза, и Сима поняла, что отпираться бесполезно.

- Любишь его?

- Люблю.

- А за что любишь, можешь сказать?

- Не знаю, люблю и все. Он добрый, красивый.

- Ишь, красивый, - усмехнулся Синцов, - чай, он не девка красная, на его красоту любоваться! Сима, голубушка, разве на этом жизнь построишь? Что добрый он, это тоже не ответ, каждый хороший человек – добрый. Думать надо, какой он семьянин! Ты открой глаза пошире: он же не от мира сего. Сначала любить тебя будет, а потом соскучится и – опять по святым местам, да еще и в монастырь запросится. Что делать тогда будешь?

- Дядя, да откуда вы знаете все это, кто вам наговорил?

- Знаю, Сима, всех наших торговых людей я знаю, вот мать его Прасковья Васильевна – деловая женщина, а сын дела ведет так, из послушанья матери, без охоты.

- Дядя Гриша, но вы даже не видели Костю?

- Видел, ошибаешься, на Макарьевской ярмарке встречал, как поглядел, сразу понял, что парень не от мира сего. Смотрит на людей, глазами хлопает. Обходительный, говорит складно, а только будто мимо тебя смотрит и ни до чего ему дела нет. Зовут его за глаза «Костя блаженный», а я обижать тебя не хочу, скажу иначе – особенный, странный.

Сима уронила голову на руки и заплакала навзрыд.

- Поплачь, поплачь, - хлопал ее по плечу Григорий Семенович. – Рад, что поняла меня, чуешь, что я правду говорю. Выбирать тебе: либо жить в скудости, тревоге, непосильном труде, либо с хорошим мужем, как за каменной стеной. Он встал, пошел к двери и уже на ходу добавил: «Мужа хорошего я тебе сам найду и приданое дам, не поспею и дом куплю не хуже семеновского, только оставь ты этого Костю».

Плакала Серафима несколько дней, осунулась, побледнела, а уже через месяц дядя Григорий привез ей жениха, своего приказчика.

- Не беда, что он не очень молодой, зато проверенный годами, - сказал Синцов, - парень хваткий в делах, надежный.

С приданным дядя не обманул, дал много денег и купил на имя племянницы один из богатейших купеческих теремов, сильно похожий на дом Кости. Хитро улыбаясь, он шепнул невесте на свадьбе: «Это, чтоб о семеновских хоромах не жалела, будешь жить в доме получше ихнего».

Как пережил Костя потерю своей любимой, нам неизвестно, но и его мать вскоре женила. Девушку нашла из бедной, но хорошей семьи, скромную, хозяйственную. Ослушаться матери сын не посмел, только и сказал: «Как благословите. Без родительского благословения все равно счастья не видать».

И потекли годы. У Серафимы Ивановны было много детей, они рождались один за другим, но горя и нужды семья не знала. Бывший приказчик не обманул надежд купца Синцова, он отлично вел дела, расширил торговлю, до старости лет, пока не грянула революция, Серафима Ивановна действительно жила со своим хватким мужем, как за каменной стеной. И на счет Кости купец не обманулся. После смерти матери, как говорили в городе, жизнь его пошла наперекосяк – он продал лавки, раздал деньги нищим и от бывшего состояния оставил только малую часть, необходимую, чтобы самим не впасть в нищету. Константина Ивановича прозвали в народе сухим пьяницей. Дом его был полон странников, богомольцев. Все, кого не могли вместить монастырские гостиницы, жили у него, совершенно бесплатно. Ночи напролет эти люди рассказывали хозяину о святых местах, где им удалось побывать. Он слушал их, затаив дыхание, и часто из больших светлых его глаз текли слезы. Жена жаловалась на скудную жизнь, плохое питание, вечные посты. Когда подросли дети, Константин Иванович и сам все чаще стал уходить из дома по святым местам, говорят, что сбылась его мечта – он пешком сходил в Киев.

Семенова часто можно было видеть на могиле матери, которую похоронили не на общем городском кладбище, а в ограде особо любимого ею Троице-Никольского монастыря, как усердную благотворительницу и украшительницу обители.

С женой Константином Ивановичу жилось плохо, но он не роптал, молился за нее и считал, что крест свой надо нести до конца. Как только грянула революция, пожилая супруга тут же оформила развод с бывшим купеческим сыном, благо, что из дома не выгнала, дала умереть в родном углу. Отбирать у Семеновых к семнадцатому году было нечего, остались огород и особняк, в который скоро въехали сразу несколько учреждений. Будь жив Костя, он и об этом бы не скорбел. А вот семья Синцовых пострадала, лишившись всего. Бедняками ушли в мир иной Серафима и ее муж.

Герои этого рассказа упокоились на старом городском кладбище. В наши дни их могилы обнесены одинаковыми оградами, там стоят похожие надгробья и только в одной ограде рябина клонит к земле свои спелые кисти, а в другой – рослый клен поскрипывает от старости в кладбищенской тишине.



Фролов Н.В.

Архимандрит Герасим (Гороховской) – один из корабельных иеромонахов первой трети XVIII столетия.

Российский военно-морской флот возник в царствование императора Петра Великого, благодаря неустанным стараниям этого государя. Царь Петр Алексеевич лично входил во все тонкости флотского дела. Он сам стажировался на корабельных верфях Голландии и Англии, был знающим артиллеристом, токарем и кузнецом, по его проектам строились линейные корабли на Балтике и для Азовской флотилии. Государь озаботился, чтобы на каждом крупном военном корабле непременно находился отец духовный для многочисленного экипажа. Заботиться о настроении и боевом духе команды, исповедовать и причащать, отпевать погибших, отправлять литургии

и молебны, праздничные службы должен был священник из монашествующих – корабельный иеромонах. По замыслу Петра I иеромонахи на Балтийский флот, бывший тогда фактически единственным российским флотом и активно участвовавший в многолетней Северной войне со Швецией, должны были назначаться из Троицкого Александро-Невского монастыря. Этот монастырь (позже – Лавра) был основан в 1713г. на тогдашней окраине Петербурга по личному приказу царя Петра. В 1723г. из Владимирского Рождественского монастыря (где ныне находится Владимирское епархиальное управление) в Александро-Невскую Лавру были перенесены мощи св. благоверного великого князя Александра Невского. Уже в 1718г. царь распорядился вызвать в Александро-Невский монастырь 40 иеромонахов и иеродиаконов из разных епархий страны для определения их на корабли Кронштадской и Ревельской эскадр. В начале 1719г. требуемые иноки стали прибывать в Петербург. Обеспечением их приезда в Александро-Невский монастырь по поручению царя занимался первый архимандрит этой обители Феодосий (Яновский) – будущий архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский²¹. С 1721г. переводами монашествующих в Александро-Невский монастырь непосредственно ведал новоучрежденный Святейший Синод. Морской устав 1720 года закрепил уже установившуюся практику назначения на военные корабли иеромонахов, а в случае крайней нужды – белых священников из бездетных вдовцов. При этом предусматривалось назначение обер-иеромонаха – «начального священника» как на эскадре, так и на всем флоте²². Монахи вызывались в северную столицу часто произвольно,

²¹ Рункевич. С.195-196

²² Христоролюбивое воинство. Православные традиции Русской Армии. Российский военный сборник. Вып.12. М., 1997. С.228

без учета того послушания, которое они несли в своих епархиях. Причем даже их архиереи не могли отстоять своих ближайших сотрудников от отправки в Александро-Невский монастырь и морской службы. Так, в январе 1721г. был переведен в Петербург казначей Суздальского архиерейского дома иеромонах Павел. В том же году он был определен на флагман Балтийского флота корабль «Ингерманланд», на котором нес свой флаг сам Петр I. Вместе с государем о.Павел совершил поход в Рогервик и окормлял помимо экипажа в 470 человек самого государя и его свиту. Однако находились среди монашествующей братии и желающие служить во флоте своей охотой. Это объяснялось, во-первых, более вольными условиями жизни батюшек на эскадре и базах флота в Кронштадте и Ревеле, а, во-вторых, служить корабельным иеромонахом было выгодно материально: флотское духовенство получало жалованье: префект (овер-иеромонах на эскадре) по 20 руб. в месяц, а иеромонах – по 10 руб. в месяц²³. В обители же никакого жалованья инокам не платили вовсе. Но служба на кораблях была весьма опасной и трудной. Например, 19 января 1724г. состоявший на фрегате «Амстердам Галей» иеромонах Матвей утонул в Ревельской гавани, куда корабль зашел для ремонта²⁴. Была высокой смертность и на берегу из-за нездорового климата и суровых бытовых условий. Порой случались конфликты между командирами кораблей и иеромонахами. Капитаны, зачастую бывшие при Петре I выходцами из аристократических кругов, пытались помыкать монахами так, как привыкли это делать по отношению к священникам в своих вотчинах. В 1720г., например, архимандрит Феодосий (Яновский) просил у Петра I защиты от капитана Ивана Сенявина, «который во флоте иеромонаху и другому иеромонаху обиду учинил»²⁵. История корабельных иеромонахов, состоявших на кораблях Российского военно-морского флота вплоть до 1917 года, заслуживает отдельного повествования. Среди монашествующих на кораблях петровского времени, о которых говорится здесь, известно 5 монахов Александро-Невского монастыря – уроженцев Суздаля и Суздальского уезда. Это иеромонахи Виктор, Иосиф (Златоустовский), архимандрит Моисей (Николаевский), иеромонах Виктор (Ростовский) и иеромонах Андроник (Шуйский). По-видимому, двое из братии были также уроженцами Суздальского уезда: иеромонах Павел (Суздальский) и архимандрит Дионисий. Еще трое монашествующих являлись выходцами из городов будущей Владимирской губернии. Иеромонах Михаил (Крутицкий) являлся уроженцем города Шуи; иеромонах Матвей (Голованский) родился в г.Владимире; архимандрит Герасим (Гороховской) – уроженец Гороховца; а архимандрит Иаков (Богданников-Донатовский) родился в Юрьеве-Польском.

²³ Ругкевич. С.318

²⁴ Там же. С.229; Чернышев. Т.1. С.271

²⁵ Соловьев. Кн.8.М., 1993. С.558

При этом и Шуя, и Юрьев-Польской в начале XVIII века входили в состав Суздальско-Юрьевской епархии, а Владимир и Гороховец тогда находились в Патриаршей (потом Синодальной) области. За исключением о.Матвея (Головашкина), который был в мире купеческим сыном, остальные иеромонахи и архимандриты происходили из духовенства. Почти все они в разное время служили на флоте: Герасим (Гороховской) – с 1722 по 1728гг.; Иаков (Богданников) – с 1720 по 1728гг.; Матвей (Голованский) – с 1722 по 1726гг.; Михаил (Крутицкий) – с 1725 по 1728гг.; Виктор (Ростовский) – с 1721 по 1727гг.; Иосиф (Златоустовский) – с 1721 по 1727гг. Среди иеромонахов Александро-Невского монастыря первой трети XVIII столетия были также Вениамин (Фальковский), в июле 1725г. на фрегате «Крейсер» совершивший плавание в Швецию, сопровождая российского посла графа Н.Ф.Головина, и находившийся при посольстве до второй половины 1726г., позже бывший наместником Лавры и назначенный в 1738г. епископом Суздальским и Юрьевским²⁶; а также первый титулярный епископ Переяславль-Залесский (этот город с 1778 по 1918гг. входил в состав Владимирской губернии) Святитель Иннокентий (Кульчицкий), занимавший в 1719-1720гг. пост обер-иеромонаха Балтийского гребного флота, – будущий епископ Иркутский и известный просветитель Забайкалья, причисленный в начале XIX века к лику святых²⁷.

Архимандрит Герасим (Гороховской) по своему прозванию, перешедшему в фамилию, был, по всей видимости, уроженцем если не самого города Гороховца, то ближайшей Гороховецкой округи. Он был иноком Гороховского Николаевского монастыря при настоятеле Иоасафе III (1718-1721) и, очевидно, пользовался уважением у монашествующих. У братии обители в Гороховце были хорошие связи с иноками других обителей. Когда в 1721г. в Череповецком Воскресенском монастыре Белозерского уезда освободилось место настоятеля, то тамошние монахи единогласно решили выбрать игуменом иеромонаха Герасима из Гороховца. Однако по существовавшей тогда практике это назначение должен был утвердить Святейший Синод. В Петербурге, получив представление на о.Герасима, рассудили по-своему. Вместо о.Герасима в Череповецкий Воскресенский монастырь был послан игуменом заслуженный иеромонах Александро-Невской

²⁶ РБС. Т.: «Гоголь-Гюне». М., 1997. С.244; Рункевич. С.201, 202, 212, 222, 334, 339, 457, 468-469, 473, 475, 490; Синодальный архив. Т.1. СПб., 1868. Ст.757-768; Строев. Ст.13, 51, 53, 70, 975

²⁷ К 250-летию юбилею первого епископа Иркутского Иннокентия//ЖМП. 1982. №6 С.41-42; Макарий (Булгаков) Кн.8. Ч.1. М., 1996 С.694; Протоиерей Николай Соколов. Святитель Иннокентий, первый епископ Иркутский//ЖМП. 1982. №6. С.34-36; Ратшин С.95-96; РБС Т.: «Ибак-Ключарев» СПб., 1897 С.108-109; Синодальный архив Т.1. СПб., 1868 Приложение СХIV-СХVII; Т.XVIII (1748г.) Пг., 1916 Ст.213, 253; Соловьев Кн.8. М., 1993 С.558-559, Кн.9. М., 1993, С.340, Кн.10. М., 1993, С.184, 186-188; Смирнов С. История Московской Славяно-Греко-Латинской академии. М., 1855 С.206, 231; Смолич Т.8. Ч.1. М., 1996 С.733; Чернышев Т.1 С.268

Лавры в Петербурге о.Макарий (Хворостин), а иеромонаха Герасима синодальным указом направили на его место. Так, о.Герасим неожиданно для себя был вызван в Петербург.

30 марта 1722г. состоялся указ о переводе, а уже в середине апреля иеромонах Герасим, навсегда покинув Гороховец, прибыл в новую северную столицу. В мае он уже получил назначение состоять корабельным иеромонахом на 34-пушечный фрегат Балтийского флота «Стор-Феникс». Этот корабль прежде входил в шведский военный флот и был захвачен русскими моряками 27 июля 1720г. в сражении при Гренгаме. Базировался фрегат на острове Котлин, где строилась крепость Кронштадт. На «Стор-Фениксе» о.Герасим сменил уроженца города Суздаля иеромонаха Виктора (Ростовского), сделавшего на фрегате кампанию 1721г. Командовал фрегатом капитан-лейтенант Степан Лопухин, произведенный в этот чин Петром Великим за отличие в Эзельском сражении в 1719г., будущий вице-адмирал. Команда корабля состояла из 200 офицеров и матросов. Они и стали паствой иеромонаха Герасима. В 1722г. впервые на Балтике кампания проходила в условиях мира. Многолетняя тяжелая война со Швецией победоносно завершилась. Фрегат, на котором состоял о.Герасим, находился в практическом (учебном) плавании в Финском заливе в составе Кронштадтской эскадры.

В 1723г. иеромонах Герасим (Гороховской) был перемещен к другой русской эскадре, базировавшейся на Ревеле. Там он прослужил до 1728г. и сделал всего 7 флотских кампаний, состоя при этом в числе братии Александро-Невского монастыря. По тем временам это было немало. Большинство из монашествующей братии не выдержали и такого срока нелегкой и опасной флотской службы. В декабре 1728г. по своим заслугам о.Герасим получил повышение. Архимандрит Александро-Невского монастыря Петр (Смелич) отправил его наместником в Иверский Богородичный Святоозерский монастырь близ города Валдая на Святом острове Валдайского озера Новгородской епархии. Эта обитель тогда была приписной к Александро-Невскому монастырю.

Через полтора года в 1730г. бывший флотский обер-иеромонах Рафаил (Заборовский), сослуживец о.Герасима на Балтике, хиротонисанный во епископа Псковского а Нарвского, назначил бывшего инока из Гороховца настоятелем древнего и славного своими святынями Псковского Спасо-Мирожского монастыря (третьего по старшинству монастыря в епархии). Пресвященный Рафаил лично возвел иеромонаха Герасима в сан архимандрита. В 1734г. священник покровской церкви города Пскова Василий Васильев донес в Синод о будто бы имевших место в Пскове упущениях по церковной части, причем среди прочих оговорил и архимандрита Герасима (Гороховского), который будто бы во время чтения царских указов стоял «яко столп бездушный». Дело это в Синоде рассматривалось почти два года и

только в феврале 1736г. последовало решение Тайной Канцелярии, утвержденное Анной Иоанновной. Попа Василия за «умышленные им от себя ложно на невинных о важных делах показания по силе государственных прав казнить смертью». Архимандриту Герасиму в это суровое время, можно сказать, повезло: доносчика казнили, а его оправдали. А часто бывало и наоборот.

В Пскове о.Герасим (архимандрит Герасим III по списку настоятелей Спасо-Мирожского монастыря) прослужил почти 14 лет. За это время его прежний сотоварищ и благодетель владыка Рафаил (Забаровский) был назначен на Киевскую кафедру и возведен в сан архиепископа, а потом и митрополита. В 1744г. митрополит Киевский и Галицкий Рафаил вспомнил старого друга и добился его перевода в Киев. Там архимандрит Герасим стал настоятелем Межигорского Спасо-Преображенского монастыря в 25-ти верстах от Киева в ущелье между горами на Днепре. В этой обители когда-то принял иночество будущий Патриарх Московский и всея Руси Иоаким. В 1744г. при архимандрите Герасиме в обители была построена и освящена каменная Петропавловская церковь на средства кошевого атамана Запорожской Сечи Кальношевского, который был многолетним благодетелем монастыря. Однако ко времени переезда в Киев о.Герасим уже находился в преклонных годах. Вскоре, в 1745г., архимандрит Герасим (Гороховской) скончался²⁸. Митрополит Рафаил пережил о.Герасима всего лишь на два года.

Список сокращений

ЖМП – Журнал Московской Патриархии

Макарий (Булгаков) – Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.

История Русской Церкви.

Ратшин – Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России/ Сост. А.Ратшин. М., 2000

Рункевич – Рункевич С.Г. Александро-Невская Лавра 1713-1913 Кн.1 СПб., 2001

РБС – Русский библиографический словарь

Синодальный архив – Описание документов и дел, хранящихся Святейшего Правительствующего Синода

Соловьев – Соловьев С.М. История России с древнейших времен// Собрание сочинений в 18-ти книгах

Строев – Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877

Чернышев – Чернышев А.А. Российский парусный флот. Справочник Т.1. М., 1997, Т.2. М., 2002

²⁸ Ратшин. С.132; Рункевич. С.219-220, 226, 229, 455; РСБ Т.: «Притвиц-Рейс». СПб., 1910 С.504; Синодальный архив Т.ХIV СПб., 1910 Ст.217-221; Строев Ст.7, 26, 389, 687; Чернышев Т.1, С.279

Фролова Э.В.

Уроженцы Гороховецкого уезда Михаил и Ксенофонт Руберовские

К замечательным уроженцам Гороховецкого края, несомненно, можно отнести двух братьев – Михаила Ивановича и Ксенофонта Ивановича Руберовских, сыновей священника села Пестяки Ивана Алексеевича Руберовского.

Род Руберовских издавна принадлежал к духовному сословию. Их предок Ермолай Евдокимов еще во второй половине XVII столетия служил священником в Никольском храме села Плесец Владимирского уезда (с 1778г. Ковровского уезда), а затем в сане иеромонаха состоял в числе братства Михайловской пустыни Владимирского уезда. Служба представителей рода Руберовских в плесецкой церкви продолжалась несколько столетий²⁹. Однако село Плесец, хотя и являлось исторической родиной этой фамилии, было не единственным местом их служения. После окончания духовных училищ и Владимирской духовной семинарии Руберовские рукополагались в священнослужители на разные приходы Владимирской епархии. Так, сын диакона села Плещец Ивана Ефимовича Руберовского Алексей после окончания семинарии в 1836г. был определен в священники в село Воронцово (Новоархангельское) Юрьевского уезда. Здесь у него в 1939г. родился сын Иван³⁰.

Как и отец, Иван Руберовский получил образование во Владимирской духовной семинарии, закончив ее в 1860г. со званием студента, то есть одним из первых в выпуске. По существовавшим тогда в нашей епархии правилам, которые были введены правящим владимирским архиереем Преосвященным Иустином (Михайловым), каждый выпускник семинарии перед тем, как стать священником, должен был несколько лет прослужить псаломщиком или учителем. Владыка Иустин, сам сын сельского псаломщика, с детства испытал на себе все тяготы жизни церковнослужителей, которые вынуждены были, чтобы прокормить семью, совмещать службу в храме, за которую получали мизерную плату, с крестьянским земледельческим трудом. Епископ Иустин хотел, чтобы каждый священник почувствовал на себе, как тяжело живется низшему духовенству, и в дальнейшем сочувствовал и помогал бы своему притчу. Поэтому после окончания семинарии Иван Алексеевич Руберовский почти три года учительствовал в сельских школах, состоящих в ведомстве

²⁹ Фролова Э.В. Из истории семей духовенства Владимирской епархии// Рождественский сборник. Вып. IV Ковров, 1997. С.61-70

³⁰ ГАВО. Ф.556. Оп.109. Д.167. Л.56об.

Государственных имуществ. Лишь в апреле 1864г. он был посвящен во священника к Успенской церкви села Пестяки Гороховецкого уезда, женившись на Марии Ивановне Троицкой, дочери предыдущего настоятеля перestyakovского храма Ивана Григорьевича Троицкого³¹. Во второй половине XIX века Пестяки представляли собой большое торговое село, в приходе которого насчитывалось 78 деревень³². В самом же селе тогда находилось около 260 дворов, 2 церкви, 105 торговых лавок, 12 постоянных дворов, 4 кузницы, 2 водяных мельницы³³. Служба о.Иоанна Руберовского в Пестяках продолжалась 30 лет, вплоть до его кончины 6 апреля 1895г.³⁴. Будучи священником, Иван Алексеевич также исполнял обязанности учителя и законоучителя местного училища и являлся уполномоченным на училищные съезды Шуйского училищного округа. За время своей службы о.Иоанн был удостоен многочисленных наград и благодарностей от епархиального начальства.

У Ивана Алексеевича и Марии Ивановны Руберовских было шесть сыновей – Алексей, Николай, Иван, Михаил, Евгений и Ксенофонт. Трое старших сыновей о.Иоанна стали священниками и служили во Владимирской епархии: Алексей Иванович священствовал в селе Взорново Шуйского уезда, Николай Иванович – в селе Нижний Ландех Гороховецкого уезда, Иван Иванович унаследовал место отца и служил в пестяковском храме. На его содержании жил брат Евгений, который был слабоумным. Более подробно следует остановиться на биографиях Михаила и Ксенофонта Руберовских.

Михаил Иванович Руберовский родился в 1878г. Как и его старшие братья, он в 1899г. закончил Владимирскую духовную семинарию по первому разряду и затем несколько лет служил учителем двухклассной церковно-приходской школы погоста Архангельский Гороховецкого уезда³⁵. В дальнейшем учительская деятельность Михаила Руберовского продолжалась в народном училище села Давыдово Владимирского уезда. В 1910г. он подал прошение об увольнении с учительской должности и волонтером поступил учиться в Московскую духовную академию, которую окончил в 1914г. со степенью кандидата богословия³⁶. Обучаясь в академии, Михаил Иванович Руберовский принял монашеский постриг с именем Максим и был

³¹ ГАВО. Ф.556. Оп.109. Д.242. Л.42об.-44

³² Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вязниковский и Гороховецкий уезды/ Сост. В.Добронравов, Вып.5 Владимир, 1898. С.492

³³ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. Ч.2. М., 2000 С.712

³⁴ ГАВО. Ф.556. Оп.100. Д.1112. Л.44об.-45об.

³⁵ Малицкий Н.В. Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии. 1750-1900гг. М., 1902. С.229

³⁶ Списки студентов, окончивших полный курс Императорской Московской духовной академии за первое столетие ее существования (1814-1914гг). Сергиев Посад, 1915. С.161

рукоположен в иеромонахи. Интересно отметить, что однокурсником иеромонаха Максима (Руберовского) был уроженец Тверской епархии Сергей Алексеевич Козырев, в иночестве Григорий, ставший в 1923-1924гг. епископом Муромским и временно управляющим Ковровским викариатством Владимирской епархии. После окончания академии Максим Руберовский 12 августа 1914г. был определен помощником смотрителя в Житомирское духовное училище Волынской епархии, а 28 декабря 1916г. занял должность инспектора Волынской духовной семинарии. Служба иеромонаха Максима в семинарии продолжалась вплоть до ее закрытия в 1921г. В 1923г. сын пестяковского священника был хиротонисан во епископа Полонского, викария Волынской епархии. Хиротонию совершил епископ Коростенский, викарий Волынской епархии, Преосвященный Леонтий (Матусевич). Викарием Волынской епархии епископ Максим оставался до 1929г., когда был арестован архиепископ Волынский и Житомирский Аверкий (Кедров)³⁷. От этого времени сохранилось письмо епископа Максима от 13(26) октября 1927г. к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Нижегородскому Сергию (Страдогорскому) по поводу нового церковного курса, осуществляемого Заместителем в связи с изданной им Декларацией от 16(29) июля 1927г. В письме епископ Полонский полностью поддерживает новый церковный курс на легализацию, то есть установление «добрых нормальных отношений Православной Церкви со властью при условиях переживаемого времени»³⁸.

Местом пребывания Преосвященного Максима стала деревня Свято-Успенская Почаевская Лавра, в которой еще с 1833г. постоянно проживали волынские архиереи. Одновременно они являлись и священноархимандритами этой знаменитой обители. Как у большинства архиереев 1930-х гг., судьба епископа Максима (Руберовского) сложилась трагически. Известно, что после 1936г. он был арестован, а 23 ноября 1937г. расстрелян. В тот день вместе со священномучеником Максимом (Руберовским) в Житомире было расстреляно еще 250 человек – духовенство и миряне³⁹.

Репрессиям в 1930-е гг. подвергся и младший брат епископа Максима – Ксенофонт Иванович Руберовский, известный судостроитель, специалист в области подводного кораблестроения. Родился Ксенофонт Руберовский в 1886г. В отличие от братьев он избрал не духовную карьеру, а светскую. После окончания Шуйской гимназии в 1907г. сын пестяковского священника поступил в Санкт-Петербургский политехнический институт. Во время обучения в институте Ксенофонт Руберовский летом 1910г. проходил практику на пароходе «Тамбов», который входил в состав Добровольного флота. Тогда

³⁷ Православная энциклопедия. Т.1. М., 2000. С.129-130

³⁸ Митрополит Иоанн. Церковные расколы в Русской Церкви 20-30 годов XX столетия г.Сортавала, 1993. С.136-137

³⁹ Протоиерей Владимлав Цыпин. История Русской церкви. 1917-1997. М., 1997. С.251, 748

пароход совершил плавание из Одессы во Владивосток, посетив Константинополь, Бейрут, Шанхай, Сингапур, Ходейду. Во Владивостоке К.И.Руберовский вынужден был списаться с «Гамбова» и уехать в Пестьяки после того, как получил письмо из дома об опасной болезни матери. В мае 1912г. Ксенофонт Иванович окончил политехнический институт и получил диплом морского инженера. В дипломе было записано, что обладатель его «имеет право занимать должности штатного преподавателя в специальных учебных заведениях, заведовать фабриками и заводами, составлять проекты всяких зданий и сооружений, производить всякого рода строительные работы и сооружать всякого рода суда, судовые машины и механизмы: вообще ему предоставлены все права и преимущества законами Российской империи, со званием морского инженера соединяемые»⁴⁰.

С сентября 1912г. Ксенофонт Иванович стал работать в техническом отделе Балтийского судостроительного завода. В 1914г. он стал строителем подводной лодки «Барс» (затонула в мае 1917г.)⁴¹. С сентября 1915г. К.И.Руберовский заведовал техническим бюро отдела подводного плавания, а в апреле 1917г. возглавил весь отдел подводных лодок Балтийского завода. Под руководством К.И.Руберовского в 1918г. четыре малые подводные лодки перебазировались с Балтийского на Каспийское море. На следующий год Ксенофонт Иванович был назначен начальником механического отдела, а затем главным механиком Балтийского завода. Помощником главного механика завода тогда был давний друг Руберовского со студенческого времени знаменитый конструктор, впоследствии доктор технических наук и профессор Б.М.Малинин. Интересно, что оба конструктора были родственниками: супруга К.И.Руберовского Ольга Владимировна, урожденная Голяшкина, являлась родной сестрой супруги Б.М.Малинина Татьяны Владимировны. Семья Малининых и Руберовских жили в одном заводском доме, квартиры находились на одной площадке, дверь в дверь. Одновременно с 1921г. К.И.Руберовский занимался педагогической деятельностью: он читал лекции по устройству подводных лодок в Соединенных классах специалистов комсостава ВМФ, впоследствии издал конспект своих лекций. В 1925г. был поднят вопрос о постройке новых подводных лодок. Подводные лодки типа «Барс» к тому времени совершенно устарели и годились лишь для учебных целей. В 1926г. Руберовский вместе с Малининым участвовал в проектировании и постройке подводных лодок типа «Декабрист» - первых в советском кораблестроении. В основу этого проекта лег проект большой итальянской субмарины типа «Balilla», который был приобретен в Италии в

⁴⁰ Стволинский Ю. Конструкторы подводных кораблей. Л., 1984. С.93, 136

⁴¹ Тарас А.Е. Подводные лодки великой войны (1914-1918). Минск, 2003. С.126-128

1925г. Проект лодки типа «Декабрист» был утвержден Революционным Военным Советом СССР 17 февраля 1927г.

В 1931г. К.И.Руберовский был переведен на Северную судостроительную верфь. С 1934г. Ксенофонт Иванович являлся ответственным сдатчиком подводных лодок типа «Малютка» на заводе им. Андре Мари в Николаеве⁴². В последующие годы он служил консультантом на судостроительных заводах Комсомольска-на-Амуре, Оренбурга, Владивостока. В 1937г. К.И.Руберовский был необоснованно репрессирован и 27 сентября 1938г. расстрелян в Подмосковье на 24 км Симферопольского шоссе.

Реабилитирован известный конструктор в 1956г. Супруга К.И.Руберовского Ольга Владимировна скончалась в Волгограде в 1945г. за два месяца до окончания Великой Отечественной войны. Потомки К.И.Руберовского и поныне живут в России и Германии.



⁴² Доценко В.Д. Морской Биографический словарь. СПб., 1995. С.355

Музыкально-поэтическая зарисовка о Павле Булыгине «Жизнь – сплетение разных путей...»

1 вед. Мы горды тем, что не так давно нам, гороховчанам, благодаря исследованиям местного краеведа Н. И. Андреева, стало известно ещё одно славное имя нашего земляка – потомственного дворянина, поэта и истинного патриота Отечества Российского – Павла Петровича Булыгина.

2 вед. Жизнь этого замечательного человека интересна и многообразна – внешне похожа на авантюрный роман, с путешествиями, участием в военных действиях, романтическими увлечениями.

Но за ярким калейдоскопом жизненных событий скрыта глубокая работа ума и сердца, преданное служение Государю и Отечеству, неприятие нового общественного строя, страстное желание и напрасные попытки восстановить монархию, горькое расставание с Родиной и мучительные поиски и невозвратность утраченного былого счастья.

1 вед. Звучит романс «Жизнь», слова П.Булыгина (1921), музыка И.Федотова (2003)

Спустился зимний вечер длинный,
Накрыт в диванной стол, на нем
Веселый ужин: водка, вина,
А в уголке, перед огнем,
На круглом столике у печки
Готова жженка; гаснут свечки.
Пылает синий огонек,
Чуть освещая потолок.
Примолкли все, печальны взоры,
Рассказы вдруг оборвались
И вот с дивана полились
Гитары тихой переборы...

Забилось сердце так мое...
И каждый вспомнил вновь свое.

Романс «Ты вернулась с румяным закатом»

2 вед. Стихи, написанные поэтом в Михайловском, во Владимире, там, где прошло детство, юность, – проникнуты любовью и теплом, радостью и иногда печалью, в них бездна нежности, света – ведь это время самое счастливое, мирное, тихое.

1 вед. О, как прозрачен воздух! Полной грудью дышишь –
Вернулось снова счастье и весна.
Поёт в природе всё... Прислушайся, - ты слышишь?
О, посмотри, как даль полей ясна!
(«Мелодекламации» 1914 г., Владимир)

«В Михайловском».

Месяц поднялся. Из влажного сада
Веет цветами ночная прохлада,
Скошенной пахнет травой.

Сильно и плавно взлетают качели,
Звезды мерцают, качаясь сквозь ели,
Сосны скрипят надо мной.

Слышишь, в деревне играет гармошка.
Не уходи, посидим здесь немножко –
Жалко ложиться мне спать.

Ночь обступила, как старая сказка.
Сердце сжимает мне теплая ласка,
Хочется что-то сказать...

Что же сказать тебе? Слов так немного!
Знаю одно я: какая б дорога
Мне ни была суждена,

Сердце мое неразрывно с тобою –
С самого детства старушкой-судьбою
Ты мне навек отдана...

Романс «Я иду пустынной дорогой»

2 вед. Я не ваш, я – чужой. Я – бродяга поэт.

Я люблю запах моря и воли,
Здесь трамваи, гудки, электрический свет,
Ваши правила – цепи неволи.

Романс «В Крыму»

«В жизни только миги...»

В жизни только миги, только миги счастья, -
Только вспышки острых, режущих огней, -
Слишком много ночи, холода, ненастья,
Слишком много мокрых, вяжущих дождей.

Надо больше ветра, надо больше солнца,
Надо больше звонких, скованных дорог.
Надо сильно верить в ждущее оконце, -
Будет, будет наше, - смилуется Бог!

Выше вейте стяги, громче пойте трубы,
Под копытом конским закружится пыль!
Вижу: - по откосам разметались срубы,
Ласково кивает мне родной ковыль!..

Абиссиния

Романс «Я видел Тайфун на Амурском заливе».

«Я устал от тоски по родному»

Я устал от тоски по родному,
Я здесь слишком, уж слишком чужой.
Мне все снится, что еду я к дому
По дороге знакомой такой.
Огоньки занесенной усадьбы...
Наши звезды и светят нежней...
Хорошо мне сейчас подремать бы
Под скрипучую песню саней!
Я люблю наши снежные дали,
Ясность мыли и свежесть лица...
Путь далек мой, - едва ли, едва ли
Он меня доведет до крыльца.

Романс «Усну когда-нибудь и я».

Финальные строки.

1 вед. В одном из своих стихотворений Павел Булыгин написал
«Жизнь – сплетение разных путей...
Дай Бог силы идущему прямо».

2 вед. Действительно, как важно – на длинной жизненной дороге не свернуть с правильного, единственно верного пути, не отступить перед трудностями, не спасовать, не предать веры, не солгать, не уронить честь свою.

Так жил и поступал Павел Булыгин.



С о д е р ж а н и е

Андреев Н.И. Русский инженер и гороховчанин (<i>150-летию со дня рождения академика Владимира Григорьевича Шухова посвящается</i>)	...3
Герасимова О.В. Исследование природы Гороховецкого района	...10
Зудина М.Н. Легенды и предания земли Ковровской как исторический источник	...12
Семякова Н.Н. Сухой пьяница	...19
Фролов Н.В. Архимандрит Герасим (Гороховской) – один из корабельных иеромонахов первой трети XVIII столетия.	...24
Фролова Э.В. Уроженцы Гороховецкого уезда Михаил и Ксенофонт Руберовские	...30
Музыкально-поэтическая зарисовка о Павле Булыгине «Жизнь – сплетение разных путей...»	...35



Наш адрес:
ул. Советская, 16.

Тел. 2-12-97, 2-10-58.
E-mail: root@biblio.grh.elcom.ru
myk_rmbic@mail.ru